

НОВГОРОДСКИЕ ИСТОЧНИКИ ТЫСЯЧНОЙ КНИГИ 1550 г. ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА¹

К концу XV в. относится оформление новгородской служилой корпорации. Поместья на территории Новгородской земли были пожалованы значительному числу (по моим подсчетам, не менее 1200 человек) служилых людей, набранных из различных частей страны. Масштабные раздачи стали первым примером формирования поместной служилой корпорации. Этот опыт в последующие десятилетия был успешно растиражирован московским правительством.

С момента своего возникновения новгородская корпорация, разбитая на 5 пятинных субкорпораций в соответствии с делением самой Новгородской земли, являлась крупнейшей в системе вооруженных сил Русского государства. Помимо собственно новгородских помещиков к детям боярским «Великого Новгорода» примыкали помещики ряда соседних территорий: Пскова, Великих Лук, Пустой Ржевы и Торопца. В полоцком походе 1562/1563 г., с учетом годовщиков из ливонских городов, участвовало порядка 4000 помещиков северо-западных уездов. Общая же численность новгородских служилых людей, по подсчетам Г. В. Абрамовича, достигала в середине XVI в. порядка 5500–6000 человек [Абрамович, с. 211]².

Неоднократно отмечалось, что, несмотря на численное преобладание, новгородские помещики долгое время были исключены из действовавшей в Русском государстве служебно-политической системы, включавшей в себя представительство в Государевом дворе, вершиной которого была Боярская дума. Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. — наиболее полный источник, отражающий кадровый резерв Государева двора, — составлялась для городов «Московской земли». Предположение о существовании аналогичных документов для «Новгородской земли» не находит подтверждения в источниках, прежде всего в комплексе дворянских родословных росписей, хотя, как это будет показано ниже, для новгородских детей боярских и составлялись отдельные дворовые списки³. Привлечение представителей новгородской корпорации (нескольких связанных друг с другом корпораций) к широкому кругу поручений общегосударственного масштаба началось в 50-е годы XVI в., после проведения так называемой тысячной реформы. В течение полувека до этого новгородская корпорация жила и развивалась в отрыве от основной массы служилых людей Русского государства [Павлов, с. 93–94]. Обособленный статус способствовал сохранению целого ряда реликтовых черт, типичных для конца XV в.

При недостатке источников обобщение новгородского материала, в первую очередь массива писцовых книг, в сопоставлении с данными Тысячной книги 1550 г. (далее — ТК) и Дворовой тетради (далее — ДТ) по другим территориям Русского государства способно расширить имеющиеся представления об организации службы в конце XV — первой половине XVI в.

Значительное количество реликтовых черт содержится, в частности, в новгородской части ТК. В конце общего списка этого источника перечисляется значительное число помещиков Великого Новгорода, Пскова, Торопца, Великих Лук и Пустой Ржевы⁴. Эта часть ТК

¹ При подготовке настоящей статьи были учтены замечания, высказанные А. П. Павловым, М. М. Кромом, П. В. Чеченковым, А. Л. Корзининым. Искренне благодарю коллег за живой и неподдельный интерес к теме исследования.

² См. также: [Бенцианов 2000, с. 263–265].

³ См., например, совместную статью М. П. Лукичева и В. Д. Назарова: [Лукичев, Назаров, с. 170].

⁴ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. (далее — ТКДТ). М.; Л., 1950. С. 82–103.

имеет целый ряд особенностей. Имена новгородских тысячников были разбиты на две статьи, соответствующие по размерам выделяемых поместий 2-й и 3-й статьям основного документа [Флоря, с. 52; Павлов, с. 92]. В ней также присутствует разделение на дворовых и городских детей боярских (за исключением Пустой Ржевы, где подобное разделение отсутствовало, и Торопца, по которому были отмечены только дворовые). Количество же городских детей боярских, попавших в избранную тысячу, оказывается весьма значительным, приближаясь и даже, в ряде случаев, опережая число дворовых. По Обонежской пятине, например, тысячниками стали 7 дворовых и 10 городских детей боярских, а по Пскову — 37 и 25 соответственно⁵.

В рассматриваемом списке имена новгородцев и псковичей перечисляются по территориальному принципу. Каждая из этих групп была расписана по определенным погостам (уездам и засадам в случае с Псковом). Подобное деление охватывало как дворовых, так и городских детей боярских, группы которых не пересекались между собой.

Очевидно, что список новгородских помещиков составлялся на основе других источников по сравнению с основной частью ТК. Есть основания предполагать, что он начал составляться за несколько лет до 1550 г. — даты, указанной в преамбуле ТК. В частности, в нем фигурирует князь Ю. И. Кропоткин. Писцовая приправочная книга Деревской пятины 1550/1551 г. упоминает земли этого помещика в Горденском погосте с однозначной пометой: «было за князем Юрием княж Ивановым сыном Кропоткина, и князя Юрья не стало 7057» (1549)⁶. Существенные расхождения наблюдаются также между указаниями ТК на погосты и фактическим землевладением названных в ней лиц. Д. А. Волохов к 1550/1551 г., например, уже лишился своего поместья в Лосицком погосте Шелонской пятины и был пожалован поместьем в Пскове⁷.

С начала века поместье в Рютинском погосте Деревской пятины принадлежало князьям Кропоткиным. Платежная книга 1542 г., опирающаяся на аналогичный источник первого десятилетия XVI в., называет здесь среди местных помещиков князя В. А. Кропоткина. В 1550/1551 г., однако, его дети князя Дмитрий, Иван и Андрей владели землями только в Ужинском, Пиросском и Туренском погостах Деревской пятины, без упоминания о Рютинском погосте, владение в котором перешло к другой ветви князей Кропоткиных⁸.

Второстепенный характер носили земли в Солецком погосте Водской пятины для Зямятни и Некара Шепяковых. Основная часть их поместья располагалась в начале 50-х годов XVI в. в Бежецкой пятине, хотя и была получена ими уже после описания 1538/1539 г.⁹

Сопоставление с данными предшествующего писцового описания показывает, что в ряде случаев сведения ТК соответствовали картине, существовавшей в новгородских пятинах в 30-е годы XVI в. Всего можно насчитать несколько наиболее показательных случаев. Так, Н. Б. Новокрещенов в 1550/1551 г. владел участками в Бережском и Быстреевском погостах Шелонской пятины. Уже писцовая книга 1538/1539 г. говорит, что его владения в Хрепельском погосте, где он был записан согласно ТК, перешли в руки других помещиков. Его родственник А. И. Новокрещенов также лишился к этому времени поместья в Хрепельском погосте¹⁰. Аналогичным образом отсутствовали в 1539/1540 г. владения в Мусецком погосте Шелонской

⁵ Там же. С. 96–101. По подсчетам А. П. Павлова, городские дети боярские составили 37% всех новгородских тысячников [Павлов, с. 93].

⁶ ТКДТ. С. 88; Писцовые книги Новгородской земли (далее — ПKNЗ). М., 2004. Т. 5. С. 320.

⁷ ПKNЗ. М., 2009. Т. 6. С. 69.

⁸ ПKNЗ. М., 2004. Т. 4. С. 379; Т. 5. С. 155–156, 185–186, 188–189.

⁹ Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией (далее — НПК). СПб., 1910. Т. 6. Стб. 658. В 1538/1539 г. эти земли принадлежали Я. Луневу, новгородскому вотчиннику, сохранившему часть своих владений (на правах поместья) после выселений. См. также: [Самоковасов, с. 143–145].

¹⁰ ПKNЗ. Т. 6. С. 16; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145. Л. 201 об., 203–203 об.; Л. 20 об. — 23. Благодарю К. В. Баранова, предоставившего возможность ознакомиться с готовящимся к публикации источником.

пятин у братьев Ю. и Ф. В. Крюковых Сорокоумовых, перебравшихся в Бежецкую пятину. В Мусецком погосте остался их старший брат И. Балакса, также известный новгородскому списку ТК¹¹.

Во всех приведенных примерах очевидной представляется связь перечисленных лиц (хотя и в прошедшем времени) с упоминаемыми в ТК погостами. В некоторых других примерах такая связь вызывает определенные сомнения. Вероятно, ряд погостов, присутствовавших в первоначальном источнике, не отразился в конечном варианте ТК. Этот вывод подтверждается путаницей с названиями некоторых погостов. Только в ТК, например, встречается погост Богородицкий из Осечны Бежецкой пятин. Писцовые книги знают два погоста из Осечны — Воскресенский и Егорьевский, а также погост Богородицкий из Залазны. В новгородском списке ТК произошло искусственное объединение названий этих погостов. Анализ землевладения тысячников из этого «симбионта» показывает, что названные по этому погосту М., И. Д. и И. М. Софроновские в полном составе владели землями в погосте Богородицком из Залазны. Тогда запись «ис Осечны» должна была относиться к каким-то другим лицам¹².

Подобная ситуация была характерна и для Ф. Г. Сназина с его сыном Васюком, записанных в ТК «из Рождественного погоста и из Дегожского». В Шелонской пятине существовали два различных погоста: Рождественский с Усть Северы и Дегожский. Ф. Г. Сназин в 1539/1540 г. владел поместьем в Дегожском погосте, а также небольшим участком в Должинском погосте. Его сын Васюк обзавелся собственным поместьем уже в 50-е годы XVI в., когда из порозжего поместья князя И. Б. Корецкого ему было выделено 20 беж в Дремятском погосте¹³. В Рождественском же погосте владения Сназиных не были зафиксированы источниками. Видимо, и в этом случае по Рождественскому погосту служили другие лица.

Очевидно, что новгородский список ТК был составлен на основании источника, созданного до 1538/1539 г. и включавшего в себя значительно большее количество погостов. Рассматриваемый источник имеет целый ряд общих черт с ранними десятиями. Выписки из несохранившейся новгородской десяти 1556 г. показывают наличие в ней деления на погосты. Например, «из Боровичского погоста» показан был Г. А. Неплюев, а по Дмитриевскому погосту служили представители фамилии Осининых¹⁴.

По территориальному принципу, с выделением станов строилась и каширская десятина 1556 г. Нижегородская десятина 1569 г., дошедшая в виде выписок по родам Мошенских и Приклонских, также говорит о делении нижегородских детей боярских по станам: «десятина, а в ней написаны дети боярские, хто в котором стану живет» [Кротов, с. 85]. Подобное деление, таким образом, не было свойственно только Новгородской земле, а, видимо, отражало общерусские принципы организации службы.

Анализ новгородской части ТК позволяет ответить на вопрос о существовании категории дворовых детей боярских в Новгородской земле. «Служилый город», окончательное оформление которого в Русском государстве относится к середине XVI в., делился на дворовых и городских детей боярских. Дворовые дети боярские, основа Государева двора, служили по отдельному списку. Коломенская десятина 1572 г., продолжая устоявшуюся традицию, даже новиков, впервые

¹¹ НПК. СПб., 1886. Т. 4. Ст. 502–507; Т. 6. Ст. 304–308, 567–570.

¹² НПК. Т. 6. Ст. 184. В Бежецкой пятине можно назвать еще несколько подобных примеров. «Объединенный» характер носили погосты «Покровский из Залазны», «Никольский Рыбенский», «Михайловский Заозерецкий из Ореховны», «Богородицкий из Кирвы».

¹³ ТКДТ. С. 91; НПК. Т. 4. Ст. 268–270; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией (далее — ДАИ). СПб., 1846. Т. 1. С. 97. № 52.

¹⁴ Десятина 1556–1622 г. Десятина по Новгороду 7064 (1556) года, материалы к реконструкции (далее — Десятина по Новгороду 1556 г.) / Публикация Я. Кротова. URL: http://krotov.info/yakov/rus/17_ru_moi/desyatni/1556ngrd.html (дата обращения: 12.12.2013).

поступающих на службу, делила на дворовых и городских¹⁵. Однако, как уже было замечено, новгородские дети боярские отсутствовали в ДТ. Первое упоминание о новгородских дворовых относится как раз к ТК. Казанский разряд 1549 г. сообщает о новгородских помещиках без подразделения их на дворовых и городских [Курбатов, с. 226–227]. Тем не менее есть все основания говорить о том, что эта категория существовала в Новгородской земле задолго до середины XVI в.

Порядок перечисления погостов в новгородской части ТК внутри каждой отдельной пятины отличался для дворовых и городских детей боярских. Скорее всего, эта часть ТК составлялась путем вычленения интересовавших московское правительство имен из какого-то предшествовавшего источника (нескольких источников), вероятно, близкого к последующим десятинам, составлявшихся для каждой отдельной пятины. Безусловно, многие погосты, где не было значимых лиц, были полностью проигнорированы. От некоторых других остались только заголовки. Сам же принцип вычленения дает возможность проследить контуры исходной структуры.

Перечисление погостов, по которым были записаны новгородские тысячники 1-й и 2-й статьи, совпадает по Шелонской пятине. (По Водской и Деревской пятинам тысячниками 1-й статьи было представлено всего по одному погосту, а Обонежская и Бежецкая пятины вовсе не дали своих представителей в эту статью.) В обеих статьях Никольский с Высокого городка погост был записан после Бурежского¹⁶. Иная картина наблюдается при сопоставлении погостов в списках дворовых и городских детей боярских.

При описании тысячников 2-й статьи по Шелонской пятине из числа дворовых детей боярских последовательно (вместе с целым рядом других погостов) были перечислены Бурежский, Которский и Любинский погосты. Список городских детей боярских той же пятины знает эти погосты, но называет их в другом порядке: Которский, Бурежский, Любинский¹⁷. Также обстоит дело и с Водской пятиной. Список дворовых детей боярских последовательно называет тысячников из Никольского Ижерского, Сабельского, Каргальского и Дудоровского погостов. В списке тысячников — городских детей боярских эти погосты фигурируют уже в другом порядке: Каргальский, Дудоровский, Никольский Ижерский и, наконец, Сабельский¹⁸.

Подобные несовпадения свидетельствуют о параллельном ведении списков и, как следствие, говорят в пользу давней традиции существования категории дворовых детей боярских в Новгородской земле.

Помимо ТК для определения границ этих групп большое значение имеет использование алфавита несохранившейся новгородской десятины 1556 г. Эта десятня описывала детей боярских Деревской, Обонежской, Бежецкой, Шелонской, Водской пятин, а также Пскова. Каждая из этих субкорпораций, в свою очередь, делилась на группы дворовых и городских детей боярских. Использование данных ТК, а также сохранившиеся выписки из десятины 1556 г. дают представление о том, какие фамилии относились к числу дворовых и городских. Так, например, список детей боярских Деревской пятины сразу после фамилии Ширияев, который сопоставляется с известным ТК дворовым И. Л. Ширияевым, переходит к Невзору Г. Арцыбашеву. Этот сын боярский хорошо известен источникам. О его «городовом» статусе свидетельствует выписка из текста десятины, а также упоминание в Тысячной книге. Вслед за ним перечислялись также городовые Салов, Шишмаревы, Выповские, Гурьев¹⁹.

¹⁵ Десятни XVI в. // Опись Московского архива Министерства юстиции. М., 1891. Кн. 8. С. 26. О десятинях и служилом городе в середине XVI в. см. также: [Бенцианов 2011, с. 210–211].

¹⁶ ТКДТ. С. 83, 90.

¹⁷ Там же. С. 90–91, 93.

¹⁸ Там же. С. 83–86.

¹⁹ Десятня по Новгороду 1556 г.; ТКДТ. С. 89.

Таким образом, удается расширить имеющиеся представления о новгородских дворовых детях боярских. По Деревской пятине к перечисленным в ТК фамилиям добавляются Кутузов (и Зверев-Кутузов), Валуевы, Кокоревы, Наумовы, Супонев, Коробьины; по Бежецкой пятине — Осинины; по Шелонской — Кокоревы, Перепечин, Цыплятевы, Хлуденев, Нагаев²⁰; по Пскову — князья Андомские и Бибикив²¹. Этот список заведомо неполон, но достаточно репрезентативен для анализа.

В большинстве случаев можно говорить о наследственном характере статуса дворовых детей боярских. Как правило, новгородские дворовые принадлежали к фамилиям, фигурировавшим в ДТ. Тем не менее известны были примеры проникновения в их число городских детей боярских. Выписка из псковской десятины 1556 г. смотра бояр князей П. М. Щенятева и А. М. Курбского прямо говорит об этом. Среди псковских городских помещиков «в выборе» фигурировал Бухара Я. Хвостов, возле имени которого стояла помета «под именем его написано в двор» [Лихачев, Мятлев, с. 239].

Примеры такого рода должны были носить единичный характер, не отражаясь на ближайших родственниках и однофамильцах. Исходя из критерия единичности упоминания, в сопоставлении с имеющимися данными о происхождении и службах родственников, недавними выходцами из числа городских были, вероятно, В. Т. Чубаров, Г. Т. Лопухин, Скурат Г. Скуратов, Своитин Нечаев Мякинин, Меншик Г. Айгустов, Б. С. Третьяков, Ф. Н. Качалов. Родственником Своитина Нечаева Мякинина был, в частности, городской сын боярский Я. Г. Мякинин. В десятне 1556 г. Мякинины фигурировали среди городских детей боярских Бежецкой пятины. Среди городских служили представители Чубаровых. Из десятины 1556 г., вероятно, повысили свой статус Перепечин и Нагаев²².

Очевидно, существовала и обратная тенденция — переход дворовых в результате опал или служебного «захудания» в число городских детей боярских. Подобным падением можно объяснить расхождение в статусе двух ветвей рода Линевых: Окуневых и Сомовых. И. А. Окунев в ТК был записан как дворовый сын боярский. Его отец, А. Т. Окунев, в 1545 г. получил в кормление половину «писчего» в Русе. В то же время И. И. Сомов числился уже по «городовому» списку, хотя его предок А. И. Сом Линева, скорее всего, служил в составе великокняжеского двора. Перед началом новгородского похода (1471 или 1478 г.) он был одним из приставов «от ратных людей». В конце XV в. его поместье в Деревской пятине насчитывало 71,5 обжи. И. И. Сомову же из поместья деда досталось всего 23,5 обжи²³.

Утрата привилегированного статуса для некоторых фамилий произошла еще до их испомещения в Новгородской земле. Все Хвостовы, несмотря на знатное происхождение и упоминание в Государевом родословце, числились среди городских детей боярских. Общий предок названных в ТК лиц — А. Ю. Хвостов — должен был жить еще в 60–70-е годы XV в. Рано выпали из орбиты Государева двора и Калитеевские, одна из ветвей Кучецких²⁴.

Новгородский материал позволяет отследить фамилии, входившие в конце XV в. в состав Государева двора. В том числе и те, что на других территориях Русского государства утратили впоследствии прежние позиции. Например, в ДТ отсутствовали ростовцы Болтины и Коробьины. Обе эти фамилии достаточно высоко котировались по службе в предшествующие десятилетия. В 1490 г. С. Болтин отбирал устюжан на великокняжескую службу. Его родственник В. И. Болтин

²⁰ После перечисления шелонских городских детей боярских, вероятно, следовало описание новиков.

²¹ Десятня по Новгороду 1556 г.

²² ТКДТ. С. 94, 95; Десятня по Новгороду 1556 г.

²³ ТКДТ. С. 84, 88; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). М., 1997. Т. 1. С. 269. № 201; АСЭИ. М., 1952. Т. 1. С. 297. № 405; НПК. СПб., 1862. Т. 2. Ст. 36; ПКНЗ. Т. 5. С. 112.

²⁴ ТКДТ. С. 100; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... (далее — Родословная книга). М., 1787. Ч. 2. С. 259–262. О Кучецких и их однородцах см.: [Веселовский, с. 427–428].

в 1491 г. вместе с И. Брюхо Коробьиним был отправлен на Цильму «серебряные и медные руды искать». Позднее он несколько раз был приставом у послов. В этом же качестве известен и еще один представитель рода — Степан Болтин. Болтины получили поместья в Великих Луках и Пскове, сохраняя память о своем происхождении. Попавший в литовский плен В. И. Хрущов Болтин был охарактеризован как «родом з Ростова, помещик з Лук»²⁵.

Не менее известны были Коробьины, соседи Болтиных по владениям в Ростовском уезде. Некоторые из представителей этой фамилии еще в XIV в. служили митрополичьей кафедре в качестве бояр. В конце 60-х годов XV в. двое Коробьиных были среди двинских волостелей. В 1471 г. К. Коробьин ездил в Псков «поднимать» псковичей против Великого Новгорода. Его сын Григорий в 1494 г. участвовал в посольстве князей В. И. Патрикеева и С. И. Ряполовского в Литву. П. Б. Волк Коробьин, в свою очередь, был одним из писцов Деревской пятины [Баранов 1999, с. 8]²⁶.

Из других «новгородских» фамилий в качестве кормленщиков были хорошо известны в первой трети XVI в. М. М. Брех Вышеславцев и его сын Василий²⁷. Достаточно высокое положение, очевидно, занимали в конце XV в. также Новокрещеновы, Трусовы-Воробьины, Софроновские, Еремеевы, Хрипуновы, Кокоревы и Осинины.

Попаданию в число дворовых детей боярских придавалось достаточно большое статусное значение. Все известные потомки «людей» новгородских и московских бояр, испомещенные в Новгородской земле в конце XV — начале XVI в., были записаны среди городских детей боярских. Подобным образом их судьба сложилась и в Каширском уезде²⁸. На практике же положение дворовых и городских детей боярских, по сути, ничем не отличалось. Зачастую дворовые служили с более низких поместных окладов и невысоко котировались в служебном отношении. Ни в одной из довольно большого числа челобитных, дошедших из делопроизводственного оборота середины 50-х годов XVI в. по Великому Новгороду, не упоминается принадлежность челобитчиков к дворовым или городovým детям боярским. Очевидно, подобное разделение не имело особой ценности в глазах дьяков. Величина же поместного оклада помимо служебных характеристик («службой добр» или, наоборот, «худ») во многом зависела от имевшегося в распоряжении у самих служилых людей земельного фонда. В условиях характерного для Новгородской земли этого времени острого земельного дефицита, в многодетных семьях, даже из числа наиболее знатных, нести службу зачастую приходилось с очень небольших наделов, довольствуясь скудными прирезками. У «родовитых» Пушкиных, например, величина поместного оклада варьировалась в разные годы от 13 до 19,5 обжи на каждого достигшего служебной зрелости члена семьи²⁹.

Сближение между двумя этими группами служилых людей во многом было обусловлено локальным характером их службы и, как следствие, исключением новгородских дворовых из системы Государева двора.

²⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 278; Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1882. Т. 35. С. 307, 365; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. С. 118; Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 2002. Т. 6. С. 137. № 57. Происхождение Болтиных рассмотрено С. В. Стрельниковым [Стрельников, с. 146—150].

²⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 286, 290 (в псковских летописях он назван боярином). Сб. РИО. Т. 35. С. 138; Баранов К. В. Писцовые описания Новгородской земли последней четверти XV века // ПКНЗ. М., 1999. Т. 1. С. 8. О Коробьиных см. также: [Стрельников, с. 133—134].

²⁷ АСЗ. Т. 1. С. 40—44. № 44—49.

²⁸ В каширской десятне 1556 г. среди городских детей боярских были записаны потомки «людей» князя И. Ю. Патрикеева Трубниковы-Хинские, а также С. О. Родичев. Из их числа были, видимо, также Пещеревы и Архаровы, служившие по «городовому» списку.

²⁹ ДАИ. Т. 1. С. 94—95. № 52.

Для понимания значения преобразований, отражением которых стал рассматриваемый источник — прообраз новгородской части ТК, необходимо проследить изменение положения дворовых детей боярских в новгородской корпорации на протяжении первых трех десятилетий XVI в.

Перерастание в последние годы XV в. русско-литовского конфликта в масштабное военное противостояние и неудачи в войне со Швецией (сожжение Ивангорода) вызвали необходимость в «регулярной» новгородской службе. Показателен пример Ивангорода. Несмотря на полтора десятилетия, прошедших с начала поместных раздач, в 1496 г., во время прихода шведских отрядов к этому городу, здесь «служивых людей не было»³⁰.

Большая часть русско-литовского пограничья приходилась на удельные и служилые княжества, а также независимое Рязанское княжество, на землях которых сосредоточение значительных воинских сил было затруднено или полностью невозможно. Новгородская земля представляла собой удобный плацдарм для наступления на западного соседа.

Динамика поместных раздач показывает, что во второй половине 90-х годов XV в. резко возросло общее количество помещиков. В Водской пятине, например, только в 1499—1501 г. появилось не менее 160 новых помещиков (без учета детей), или 39,5% от общего числа помещиков этой пятины. Аналогичные процессы шли и на территориях других новгородских пятин. В Водской и Шелонской пятинах была создана группа «ивангородцев» из нескольких сотен человек [Бернадский, с. 326—330].

В это время московским правительством начали практиковаться полупринудительные переселения служилых людей. Зачастую переселения в Новгородскую землю производились целыми группами. В Бежецкой пятине, например, были размещены «луховцы» (не менее 30 человек). Скорее всего, сюда были переселены все луховские землевладельцы, в том числе и мельчайшие, после пожалования Луха князю Ф. И. Бельскому (1497 г.), чем и объясняется непропорционально большое количество выходцев из этого небольшого поволжского городка [Абрамович, с. 128; Бенцианов 2000, с. 246—247].

Для некоторых новых помещиков Новгородская земля стала местом своеобразной ссылки. Например, мятежному князю Андрею Углицкому служил князь А. А. Шемяка Шаховский. Шестеро его сыновей получили поместье (видимо, после церковных конфискации 1499 г.) в волости Лопастницы Деревской пятины. На всех шестерых братья получили только 113 обож, оклад рядовых служилых людей. Эта ветвь князей Шаховских лишилась родовых земель в Ярославском уезде³¹. В самом конце 90-х годов XV в. поместье было пожаловано бывшему вассалу князя Бориса Волоцкого Н. С. Кулибакину с сыновьями. Минимальный поместный оклад достался и О. Скрябину Травину, брату казненного в заговоре 1497 г. Цадея Скрябина³². В конце XV в. на великокняжескую службу были переведены служившие новгородской архиепископской кафедре бояре и дети боярские. Среди новгородских помещиков можно найти, в частности, М. Кутузова, князя И. Кривоборского и С. Я. Бельского Плещеева, которые по родословным данным служили Геннадию Гонзову³³.

Доказательством серьезности поставленной задачи стал форсированный характер процесса, спешка проводимых раздач, приводившая к разорванности отдельных поместий, неудобству их хозяйственного использования, устраняемых затем в течение нескольких десятилетий с помощью обменов, прирезок. Были предприняты меры по упорядочению службы: создано

³⁰ Разрядная книга 1475—1605 г. (далее — РК 1475—1605). М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 52.

³¹ НПК. Т. 2. Ст. 784—798. См. также: [Бенцианов 2000, с. 247].

³² АСЗ. М., 2002. Т. 3. С. 164—165. № 198; НПК. СПб., 1868. Т. 3. Ст. 812.

³³ Родословная книга. Ч. 1. С. 303; Ч. 2. С. 2, 61. Князь И. Кривоборский упоминается как владычный боярин в переписке архиепископа Геннадия Гонзова.

деление на отдельные пятины (субкорпорации), выработаны нормы поместных окладов. Сама служба новгородских помещиков приобрела обязательный характер и была прямо увязана с землевладением. В результате многим служилым людям, в том числе из знати, пришлось сделать выбор относительно своей принадлежности к новгородской корпорации.

Известны примеры, когда новгородские помещики продавали свои вотчины в центре страны (Ушак Москотиньев, И. Г. Фома Протасьев, И. В. Сухой Вельяминов, М. Кучецкий) и окончательно перебирались в Новгородскую землю³⁴. Среди порозжих земель числились во втором десятилетии XVI в. владения К., И., М. И. Кобылиных Мокшеевых. В ведение крестьянских общин вновь перешли «обояренные» когда-то М. Бирилевым починки в Вологодском уезде³⁵.

С другой стороны, некоторые помещики теряли свои поместья. Наиболее отчетливо этот процесс виден на примере представителей «боярской аристократии», не задействованных в новгородской службе. К 1501 г. поместий лишились престарелые дворецкий И. М. Вольнский и бывший наместник А. Ф. Челяднин. К концу 90-х годов XV в. потерял поместье также П. Г. Лобан Заболоцкий [Корзинин, с. 396–398].

В ряде случаев подобные утраты имели политический характер. В опалах потеряли свои владения князь И. Ю. Патрикеев, его сын В. Косой и зять С. И. Молодой Ряполовский. Тесно связан с этой семьей был и дворецкий Д. В. Ховрин. В 1501 г. скончалась княжна Феодосия, дочь Ивана III и жена князя В. Д. Холмского, что, вероятно, отразилось на потере им своих обширных земель³⁶.

В итоге из числа аристократических семей, не связанных с новгородской службой, земли (вотчины) сохранил только И. В. Ляцкий. Этот пример относится к тем редким исключениям, которые подтверждают общее правило. В Каширском уезде, где поместные раздачи также начались в конце XV в., как и в Новгородской земле, постепенно лишились своих владений представители знати (князь И. Ю. Патрикеев, Г. Ф. Хромой, М. Я. Русалка Морозов), не участвующие в службе на этой южной окраине Русского государства.

Этот процесс затронул и менее знатных лиц. В писцовой книге возле имени С. М. Калитина содержится характерная запись: «Се поместье Степан оставил, ведать его на великого князя»³⁷. Оставили поместья также, вероятно, Д. Козел Милославский³⁸, Е. И. Циплятев³⁹, А. А. Мисин Кутузов, М. В. Клеопа Кутузов, а также, очевидно, Т. В. Безносый Монастырев и его сын Васюк⁴⁰. Большинство указанных лиц впоследствии продолжило службы в структуре Государева двора. Известными дьяками, например, стали Д. Козел Милославский и Е. И. Циплятев.

Следует сказать о переходах на удельную службу, которые выводили новгородских помещиков из-под великокняжеской юрисдикции, избавляя, таким образом, от опал за самовольное оставление службы. Углицким городовым приказчиком в конце 40-х годов XVI в.

³⁴ АФЗХ. Ч. 1. С. 44. № 23; Голубцов И. А., Назаров В. Д. Акты XV – начала XVI века // Советские архивы. 1970. № 5. С. 84. № 8; Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. С. 57. № 56; АСЭИ. Т. 1. С. 528. № 615.

³⁵ АФЗХ. Ч. 1. С. 44. № 23; Грамоты XV – начала XVI века из архива Кирилло-Белозерского монастыря / Изд. С. В. Стрельников // Русское средневековье. Сб. статей в честь Ю. Г. Алексева. М., 2012. С. 147.

³⁶ О связи Ховриных и Патрикеевых см.: [Зимин 1988, с. 272]. К 1511 г. князь В. Д. Холмский потерял свои земли в Деревской пятине (Баранов К. В. Новгородская «ободная» грамота 1511/12 года // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 4. С. 10–12).

³⁷ НПК. Т. 3. Ст. 780. Позднее он участвовал в одном из поземельных разъездов в Московском уезде.

³⁸ В писцовой книге 1538/1539 г. его поместье числилось уже за другими владельцами (НПК. Т. 4. Ст. 507). В 1506/1507 г. он получил в кормление волость Поле Кривальдино во Владимирском уезде [Антонов 1996, с. 232].

³⁹ Е. И. Циплятев уже в 1505 г. был приставом на Москве у литовского посольства.

⁴⁰ НПК. Т. 4. Ст. 487; ПКНЗ. Т. 4. С. 152, 157. Согласно писцовой книге 1538/1539 г., поместье Т. В. Безносова Монастырева перешло к его родственнику, М. А. Ергольскому. Позднее А. В. Безносов Монастырев служил по Москве.

был И. Тур Константинов (сын ясельничего) [Бенцианов 2010, с. 208]. Согласно писцовой книге 1538/1539 г., его поместье в Шелонской пятине перешло в другие руки. Скорее всего, он служил в уделе Дмитрия Углицкого. На службу к Юрию Дмитровскому перебрался, видимо, и Г. И. Константинов (Жеребцов). В ДТ его сын Василий был записан по удельному Кашину. В старицком уделе служил И. И. Умно́й Колычев, братья которого были новгородскими помещиками [Бенцианов 2012, с. 52; 2000, с. 68]. К царевичу Петру Ибрагимовичу перешел Торх Плещеев со своими сыновьями⁴¹.

Этот процесс не следует абсолютизировать. Определенное число новгородских помещиков сумело сохранить за собой родовые земли в центральных уездах, что впоследствии нередко давало им возможность выбирать место службы. Процесс «очищения» был далеко не однозначным и, по-видимому, растянулся на несколько десятилетий.

Для нормального функционирования новой служилой корпорации требовались свои лидеры, обладавшие необходимым генеалогическим и социальным статусом. Такого рода лидеры были набраны из числа самих новгородских помещиков.

В конце XV — начале XVI в. в Новгородскую землю было перемещено большое число представителей фамилий, известных по службе в структуре Государева двора. Значительная их часть навсегда связала свою судьбу с новгородской корпорацией. В становлении местной элиты немаловажную роль сыграло своеобразное «кадровое усиление». Из 153 новых помещиков Водской пятины 1499—1501 г. (без учета сыновей) к числу дворовых фамилий принадлежало, по крайней мере, 60 человек (39,2%). Поместья были пожалованы будущим новгородским воеводам — князьям Елецким, С. Ю. Порховскому с сыновьями. «Воеводские» оклады достались в это время также сыновьям князя И. Мышецкого⁴². Аналогичные процессы шли и в других новгородских пятинах. Пометы, сделанные к текстам писцовой книги Деревской пятины, свидетельствуют, что на рубеже веков состав новгородской корпорации пополнили князья Корецкие и Кропоткины. В конце 90-х годов XV в. в Бежецкой пятине обосновались князья Мещерские. После «Васильева письма Наумова» получил поместья и князь Б. Тебет Уланович⁴³.

Новые помещики активно включались в новгородскую службу. Уже в 1499 г. воеводой новгородской рати был князь П. И. Елецкий. В 1501 г. в этом качестве известен князь А. Кропоткин (Кропотка), а в 1502 г. — князь Б. Тебет Уланович. В 1509 г. в разрядах упоминается С. Ю. Порховский⁴⁴. Роль князей Корецких в новгородской службе видна из разрядной записи 1501 г. «на вифлянские немцы»: «люди были всех пятин опричноно князя Данила Семенова Корецкого с братьею»⁴⁵.

Очевидно, появление здесь всех этих лиц было результатом целенаправленной политики по созданию корпуса новгородских воевод. Примечателен был выбор исполнителей. Мелкие служилые князья Елецкие, Мещерские, Мышецкие потеряли к концу XV в. остатки родовых владений и представляли собой удобный материал для переселения на новоосваиваемые территории [Бенцианов 2000, с. 246]. Неизвестны были владения в центральных частях страны также у князей Корецких и Кропоткиных.

Разрядные книги позволяют провести грань перехода к «регулярной» службе новгородских воевод. Первые три десятилетия XVI в. показывают существование определенного немногочисленного круга лиц, из числа местных помещиков, возглавлявших исключительно

⁴¹ Углицкие акты / Изд. С. Шумаков. М., 1899. С. 6. № 6; Памятники истории русского служилого сословия / Изд. А. В. Антонов. М., 2011. С. 87 («Служил царевичу Петру Федоровичу»).

⁴² Четверо князей Мышецких получили 123 обжи.

⁴³ Князья Корецкие и Кропоткины получили поместья «лёта 7008» (ПКНЗ. Т. 1. С. 232; НПК. Т. 6. Ст. 154).

⁴⁴ Разрядная книга 1475—1605. Т. 1. Ч. 1. С. 55, 67, 81, 106.

⁴⁵ Там же. С. 78.

новгородские полки. Первые воеводы «новгородской специализации» были упомянуты в разрядах только в 1499 г.: князь П. И. Елецкий и И. А. Мисинов⁴⁶. Несколько предшествующих походов, в том числе походы 1496—1497 г. против «свейских немцев», обошлись без их участия.

В 1500—1501 г. большая их часть уже фигурировала в разрядах. Так, наместником в Кореле в 1501 г. был князь И. Пужбольский. Воеводами в Ивангороде в том же году были И. А. Черный Колычев, И. Г. Закала Бутурлин, Ф. В. Квашнин, Ф. М. Тушин, С. П. Замыцкий⁴⁷.

В основном служба новгородцев в первой трети XVI в. проходила в пределах и на границах самой Новгородской земли. Исключение составляли всего несколько походов общерусского масштаба, в которых принимала участие «новгородская рать». В 1522 г. на Коломне упоминаются «сто детей боярских новгородских лутчих» (среди воевод И. Лошаков). В 1524 г. новгородские полки вместе со своими воеводами (Ф. С. Колычев, Д. Г. Бутурлин, И. В. Лошаков, князья А. Кропоткин и И. М. Чулок Засекин) принимали участие в казанском походе, а в 1532 г. стояли на окских рубежах (Ф. С. Колычев, Д. Бутурлин, князь И. М. Чулок Засекин)⁴⁸.

Главным же приложением сил для них было литовское направление. Новгородские полки принимали участие во всех наиболее значимых эпизодах русско-литовских войн. Анализ списка московских детей боярских, попавших в литовский плен после битвы на Орше, показывает значительное преобладание в нем имен новгородских помещиков, которые, очевидно, играли здесь роль основной ударной силы (не менее 35% от общего числа пленников). Именно в этом сражении погиб виднейший из новгородских воевод — князь И. И. Темка, а в литовский плен попали И. С. Пупок Колычев с братьями Владимиром и Андреем, а также Ф. М. Тушин⁴⁹.

Однако если в начале XVI в. Новгородская земля представляла собой наиболее удобный плацдарм для наступления на Великое княжество Литовское, то в дальнейшем ситуация стала меняться. С присоединением Вязьмы, Дорогобужа, Белой, Новгорода-Северского, Стародуба и особенно Смоленска существенно изменились границы Русского государства и «новгородское» направление потеряло свое приоритетное значение. После окончания «стародубской войны» и вплоть до 1562 г. Торопец и Великие Луки — основные места дислокации новгородских воевод — перестают упоминаться в разрядах. На восточных же направлениях более целесообразно было использовать других исполнителей.

Стоит отметить ограниченную роль «новгородцев» в других службах, характерных для членов Государева двора. Традиционно они участвовали в переговорах со Швецией, Ливонским Орденом, а также обслуживали проезжающие через новгородскую территорию иностранные посольства. Именно представители этой корпорации ездили с посольскими миссиями в Империю и к папе римскому. В 1525 г. к «цесарю» был отправлен князь И. И. Засекин, в 1527 г. И. Б. Ляпун Осинин, а в 1537 Ю. И. Скобельцин. В качестве посла к римскому папе известен был Е. Трусов Воробьин⁵⁰.

Скромный характер имели церемониальные функции: несколько раз новгородские помещики фигурировали в качестве «новгородских бояр» при подписании договоров с Ливонским Орденом (Г. П. Валуев, И. И. Пушкин, И. Ф. Заболоцкий, Т. И. Картмазов)⁵¹.

⁴⁶ Там же. С. 55.

⁴⁷ Там же. С. 66, 75.

⁴⁸ Там же. С. 184; Разрядная книга 1475—1605. Т. 1. Ч. 2. С. 190, 230—231.

⁴⁹ Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века / Изд. А. В. Антонов, М. М. Кром // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 155—156. И. С. Пупок Колычев в списке пленных числился под рубрикой «знаменитые воеводы великое битвы». Под Великими Луками попал в плен также П. Г. Годунов.

⁵⁰ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13 (первая половина). С. 45; Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 132, 140.

⁵¹ СГД. М., 1894. Ч. 5. С. 60. № 85; С. 94. № 95; Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868. С. 339.

Известны были новгородские дети боярские на судах у новгородских наместников. Они же выполняли различные административные поручения в границах Новгородской земли⁵².

При этом наместниками самого Великого Новгорода назначались представители знатнейших боярских и княжеских родов, как правило, члены Боярской думы. Из Москвы назначались новгородские дворецкие, конюшие и писцы. Чаще всего «пришлыми» были наместники и в остальных городах Северо-Запада. Показателен пример Ивангорода. С 1519 по 1540 г. здесь последовательно сменилось, по крайней мере, 7 наместников: князь А. А. Ростовский, князь В. И. Оболенский, Г. А. Колычев, И. Н. Бутурлин, князь И. И. Оболенский, И. И. Беззубцев, И. И. Умной Колычев⁵³. Ни один из них не принадлежал к числу собственно новгородских помещиков.

Даже на уровне рядовых волостей новгородские дети боярские не обладали исключительными правами на участие в управлении Новгородской землей. Из немногочисленных сохранившихся кормленных грамот известно, что в 1509 г. И. Г. Осока Травин получил в кормление волости Боровичи и Держков в Бежецкой пятине. В 1518–1519 г. десятичным в Русе был пожалован Бояринец Молвянинов [Антонов 1999, с. 133–134, 152].

Показательный пример был зафиксирован в писцовых книгах. После 1534 г. были конфискованы вотчины бежавшего в Литву И. В. Ляцкого в Новгородской земле. В Локоцком погосте Деревской пятины до полного запустения указанных земель сменилось трое кормленщиков: «запустили, сказывают, от волостей от Микиты от Мясного да от Ивана от Володимерова сына Колычева, а досталь болшеей от князя Ивана от Прозоровского». Из перечисленных имен только И. В. Колычев был новгородским помещиком⁵⁴.

В общерусском масштабе новгородские дети боярские были фактически устранены из системы управления. Не известны примеры назначения представителей этой корпорации наместниками или волостелями за пределами Новгородской земли.

Изначальная близость поместий и кормлений сыграла злую шутку с новгородскими помещиками. Раздав огромные массивы конфискованных земель, великокняжеская администрация на долгие годы предпочла забыть о проблемах материального обеспечения служилых людей. С функциональной точки зрения это имело определенный смысл, особенно на первых этапах поместных раздач, когда размеры поместий достигали внушительных величин. Уже к 30-м годам XVI в., однако, запас свободных земель в Новгородской земле для новых раздач был практически исчерпан, а число помещиков продолжало расти в арифметической прогрессии. Кормления обладали еще и статусным смыслом, подчеркивая привилегированное положение их обладателей. В этом отношении представители новгородской корпорации, для которых этот источник дохода был труднодоступен, проигрывали служилым людям из центральных уездов страны.

Объективной реальностью становился процесс деградации новгородской корпорации, лучшие представители которой, не имея доступа в Государев двор, оказались отстраненными от процесса управления Русским государством.

Важно отметить высокую степень преемственности «новгородской элиты». В разрядах фигурировали представители одних и тех же фамилий, передававших воеводский статус внутри своего круга. Существовало сразу несколько подобных воеводских «династий». Несмотря на соответствующее происхождение и родственные связи, многие фамилии новгородских помещиков были полностью исключены из этого списка. Среди них, например, князья Приимковы и Щепины-Ростовские, Тулуповы-Стародубские, Гагарины, Шаховские,

⁵² В 1508 г. на докладе у наместника Г. Ф. Давыдова были С. Волынский и Г. Забелин (АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 442. № 452).

⁵³ Русские акты Ревельского городского архива // РИБ. СПб., 1894. Т. 15. С. 21, 29, 33, 35, 39, 45, 63, 71, 89.

⁵⁴ ПКНЗ. Т. 5. С. 130.

Глебовы-Ярославские, разные ветви князей Оболенских. Непопадание представителей этих фамилий, по объективным или субъективным причинам, в начале века в когорту воевод в дальнейшем превратилось в традицию, тормозившую их карьерное продвижение. При этом полководческие способности, например, князя Ф. Ю. Глазатого Оболенского не вызывали особых сомнений. Будучи переведенным из Новгорода на московскую службу, в 1554 г. он был одним из воевод «в луговую сторону», а в 1559 г. участвовал в походе в Ливонию. Его брат князь М. Кривонос командовал отрядом в неудачном походе 1536 г. из Рославля на Кричев (без упоминания в разрядах)⁵⁵.

Изменения иллюстрируются наблюдениями над судьбами потомков наиболее значимых в служебном отношении лиц из числа новгородских помещиков. К середине века «элитная» прослойка стала заметно уже. Пресекались фамилии князей Пужбольских и Мисиновых-Кутузовых. Рано умер сын князя Б. Тебет Уланова Иван. Исчезли из разрядов новгородцы Замыцкие, заметно сдали свои позиции Порховские, сведения о службе которых отсутствуют за середину XVI в. Многие другие фамилии в середине века служили по «московским» городам, где могли добиться более значимых карьерных результатов. Наибольших успехов добились князья Темкины Ростовские. Князь Ю. И. Темкин достиг боярского звания. Его сыновья и младший брат Григорий, согласно ДТ, служили в составе корпорации князей Ростовских⁵⁶. Среди князей Оболенских числились братья князя Ф. Глазатый и М. Ю. Кривонос Оболенские⁵⁷.

По «московским» городам в это время были записаны и другие новгородские фамилии. Среди князей Ростовских в ДТ были отмечены князья Приимковы различных ветвей. В Переславль перебрался Г. В. Годунов, а в Коломну — один из сыновей В. И. Овцы Владимирова — Петр Овцын⁵⁸. Заметно уменьшилось после «старичьего мятежа» 1537 г. число новгородских Колычевых. По Москве, согласно ДТ, служили сыновья Н. И. Немятого, а также Г. И. и Д. В. Пупковы Колычевы. В 1542 г. (на всякий случай) выкупил у родственников крупную родовую вотчину в Подмосковье Андакан Ф. Тушин [Веселовский, с. 278]. Из других новгородцев в ТК и ДТ фигурировали И. Ушаков (Переславль), а также Т. и Ф. Т. Заболоцкие (Москва и Переславль)⁵⁹.

Помимо городов «Московской земли» новгородские помещики перебирались на службу к архиепископской кафедре. Владыке Макарию служил, например, А. В. Квашнин, Пимену — Ляпун Осинин. Платежная книга ладожского наместничества 1555/1556 г. упоминает владычных помещиков князя М. Оболенского и К. Вольнского⁶⁰.

«Невнимание» московского правительства к судьбам новгородской корпорации не могло остаться без последствий в годы «вдовствующего царства». Особенно показательным явилось выступление новгородских помещиков во время так называемого старичьего мятежа 1537 г. После новгородского демарша князя Андрея Старичьего 30 помещиков, перешедших на его сторону, были повешены. Стоит учитывать, что число подобных перебежчиков могло быть и более значительным⁶¹. В это время большая часть новгородских помещиков находилась на службе, под контролем воевод. Передвижение сравнительно небольшого отряда этого удельного князя

⁵⁵ Разрядная книга 1475–1605 г. Т. 1. Ч. 2. С. 462, 464, 477. Об этом походе см. подробнее: [Кром 2008, с. 101–102].

⁵⁶ ТКДТ. С. 111, 120.

⁵⁷ Там же. С. 119.

⁵⁸ Там же. С. 120, 141, 159.

⁵⁹ Там же. С. 66, 139. Согласно писцовой книге 1550/1551 г., И. Ушаков Заболоцкий «живет у царя и великого князя на Москве» (ПКНЗ. Т. 5. С. 63). В Деревской пятине поместье осталось за другими сыновьями Терентия Заболоцкого — Степаном и Михаилом.

⁶⁰ Родословная книга. Ч. 2. С. 36, 232; ПКНЗ. СПб., 1999. Т. 2. С. 37, 49.

⁶¹ А. А. Зимин справедливо связал со «старичьим мятежом» появление в Соловецком монастыре Ф. С. Колычева — будущего митрополита Филиппа [Зимин 1964, с. 224–225].

вызвало серьезный переполох в Москве. Посланному в Новгород воеводе князю Н. В. Хромому Оболенскому предписывалось «укрепясь с людьми, да и с намесники, да против князя Андрея, стояти, сколко бог поможет». Участие в мятеже сразу нескольких Кольчевых, занимавших видные места в структуре новгородской корпорации, и князя И. С. Львовича Ярославского могло быть вызвано недовольством своим положением. Переход на службу к удельному князю в этом случае стоит в одном ряду со стремлением многих видных новгородцев поменять место службы⁶².

Еще большие опасения должно было вызвать поведение новгородцев во время борьбы боярских группировок. В 1542 г. в совете с князем И. В. Шуйским о проведении переворота были «княжата и дворяне и дети боярские многие, а новгородцы Великого Новгорода все городом»⁶³. Подобное единодушие и связь многочисленной новгородской корпорации с одной из главных боярских «партий» таили в себе потенциальную опасность для великокняжеской власти.

Первые шаги для решения этой проблемы были предприняты в конце 30-х годов XVI в. В 1538–1540 г., вразрез с предшествующей традицией, целая группа новгородских помещиков оказалась задействована в разрядных назначениях. Головами в полки на Коломне, в частности, были отправлены князья Б. Д. Корецкий, И. И. Буйносов, А. и Я. И. Квашнины, Ляпун Третьяков Осинин, Ф. С. Кольчев, В. И. Мешок Квашнин, Т. Закалин Бутурлина, Т. И. Заболоцкий, Д. И. Лошаков, Ф. Сназин. Можно отметить как генеалогическую, так и функциональную близость этих «голов» с позднейшими новгородскими тысячниками⁶⁴.

Итогом проведения этих мер стало заметное возрастание числа новгородских кормленщиков в 40-е годы XVI в. В 1543 г. Выгоозеро под Ширяем Ододуровым получил Ф. Т. Зезевитов; в 1543 г. половина ямского досталась Г. П. Арцыбашеву; в 1545 г. половина писчего была пожалована А. Т. Окуневу; в этом же году Курск бал отдан в кормление Н. Ф. Карамышеву под его братом Михаилом. Чуть позднее среди кормленщиков фигурировали также Ф. Л. и А. И. Соловцовы и Невежа Жеребцов [Антонов 1999, с. 140, 145, 146]. В начале 40-х годов XVI в., вероятно, волость Сухновичи в Деревской пятине держал Г. Неплюев⁶⁵.

Важно отметить роль городских детей боярских, допущенных к получению кормлений в Новгородской земле. Из числа городских были, в частности, Ширяй Ододуров и Г. П. Арцыбашев⁶⁶. В этом отношении новгородский пример предвосхитил развитие структуры «служилого города», в котором обе эти группы выступали на равных (разные чины единой корпорации), выделяя из своей среды наиболее значимых в служебном отношении представителей — выборных дворян в Государев двор.

Вполне вероятно, что тысячная реформа (в более широком смысле — реформа Государева двора), результатом проведения которой стало появление корпуса выборных дворян, задумывалась и частично была реализована еще в конце 30-х годов XVI в. Появление в разрядах указанных новгородцев соответствовало по своему духу общему процессу преобразований, начатых в эти годы. Дворянские родословные содержат большое число упоминаний о «дворовой тетради» 1537 г. Следы существования этого документа видны в ТК и в ДТ, а также в некоторых других источниках [Бенцианов 2010, с. 44]. Изучение состава дворовых детей боярских показывает, что одновременно велась работа по «перебору» фамилий, поставлявших своих представителей в состав Государева двора. Некоторые ветви и целые фамилии оказались в результате исключенными из

⁶² ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 294. Более подробно этот эпизод «старичьего мятежа» изложен в книге М. М. Крома [Кром 2010, с. 206–207]. Кольчевы с начала XVI в. были регулярно представлены среди воевод новгородской рати. В писцовой книге Деревской пятинны упоминается поместье братьев Полухетовых, отнятое у их владельцев, поскольку они «отъехали ко князю Ондрею Ивановичю лета 7045».

⁶³ ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13 (вторая половина). С. 439.

⁶⁴ Разрядная книга 1475–1605. Т. 1. С. 273, 276. Более подробно см.: [Бенцианов 2000, с. 269–271].

⁶⁵ ПКНЗ. Т. 4. С. 470.

⁶⁶ ТКДТ. С. 89, 100.

его структуры. Наоборот, в число дворовых были включены выходцы из традиционно городских детей боярских. Эти преобразования велись на фоне «большого поместного верстанья», имевшего серьезное значение для последующей организации службы территориальных корпораций и формирования «служилого города» как общерусского явления.

Применительно к Новгородской земле отражением намеченных мероприятий в делопроизводственной среде стало создание единого сводного источника (из смотренных списков, по образцу позднейших десятен), отразившего имена наиболее видных служилых людей. Именно этот источник лег позднее в основу новгородской части ТК.

В условиях бурных перипетий времени «вдовствующего царства» это начинание так и не было реализовано в полной мере. Характерно, что после 1540 г. и вплоть до середины 50-х годов XVI в. никто из упомянутых голов более не получал разрядных назначений. Из них Ляпун Осинин перешел позднее на архиепископскую службу, а сын князя Б. Д. Корецкого Иван был переведен на службу в Дорогобуж⁶⁷. Великокняжеская власть в это время не была заинтересована в кардинальном изменении сложившегося положения вещей. Процесс «вымывания» наиболее видных новгородцев продолжался в 40–50-е годы XVI в.

Проведение тысячной реформы и широкое представительство новгородцев среди тысячников (более трети от общего числа) стало следующим шагом в этом направлении [Павлов, с. 93–94]. При нерешенности целого комплекса проблем «новгородский вопрос» вновь встал на повестку дня с новым набором действующих лиц (в значительно более демократичном составе) и в других внешне- и внутривнутриполитических условиях в годы Ливонской войны и опричнины.

Подводя итоги, стоит подчеркнуть важность ретроспективного изучения сохранившихся списков служилых людей (десятни, ТК, ДТ). Сложившаяся в середине XVI в. организация служебных отношений появилась далеко не на пустом месте. Ее формирование и последующее становление растянулись на несколько десятилетий. Применение методов ретроспективного анализа дает возможность более широко использовать давно известные исторической науке источники. Изучение новгородской части ТК позволяет, в частности, проследить преемственность статуса различных категорий служилых людей на территории Новгородской земли. Не меньшее значение имеет возможность соотнесения пофамильного состава дворовых (и городских) детей боярских середины XVI в. с их предшественниками конца XV в.

Комплексное привлечение источников по истории Новгородской земли показывает сложность и неоднозначность проходивших здесь процессов формирования системы службы, прямые и отдаленные последствия форсирования процесса поместных раздач и складывания на их основе первой поместной корпорации.

Литература

- Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России. Дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1975.
- Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996.
- Антонов А. В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // Русский дипломатарий. М.; 1998. Вып. 3. С. 91–155.
- Баранов К. В. Писцовые описания Новгородской земли последней четверти XV века // ПКНЗ. М., 1999. Т. 1. С. 6–12.
- Бенцианов М. М. Дети боярские «наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI вв. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2000. Вып. 3. Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. С. 241–277.
- Бенцианов М. М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского // ДРВМ. 2010. № 2 (40). С. 41–55.
- Бенцианов М. М. Каширская десятина 1556 г.: к вопросу о становлении «служилого города» в Русском

⁶⁷ Родословная книга. Ч. 2. С. 232; ДАИ. Т. 1. С. 93. № 52.

- государстве // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / Петербургские славянские балканские исследования. 2011. № 1 (9). С. 201–214.
- Бенцианов М. М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «старицкого мятежа 1537 г.» // *ДРВМ*. 2012. № 4 (50). С. 64–76.
- Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- Корзинин А. Л. Княжеская аристократия под Новгородом в конце XV – начале XVI в.: причины утраты знатью новгородских земель // *Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в.* СПб., 2006. С. 388–410.
- Кром М. М. Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений. М., 2008.
- Кром М. М. Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. СПб., 2010.
- Кротов М. Г. Опыт реконструкции десятен по Серпухову и Тарусе 1556 г., по Нижнему Новгороду 1569 г., по Мещере 1580 г., по Арзамасу 1589 г. // *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода*. М., 1985. С. 69–83.
- Курбатов О. А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска // *Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени*. М., 2009. С. 196–227.
- Лихачев Н. П., Мятлев Н. В. Тысячная книга 7059 г. Орел, 1911.
- Лукичев М. П., Назаров В. Д. Из родословной Дивовых. Известия «статейного списка» по истории земских соборов и Смуты конца XVI – начала XVII вв. // *ИА*. 1994. № 6. С. 167–177.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.
- Самоковасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных архивов Московского государства XV–XVII столетий. М., 1905. Т. 1.
- Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.; СПб., 2009.
- Флоря Б. Н. Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // *АЕ* за 1973 г. М., 1974. С. 43–57.